

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

РЕВОЛЮЦИЯ ГЭЛБРЕЙТА*

К 50-летию выхода в свет “Нового индустриального общества”

В науке это был революционер, подвергавший критике старый капитализм и указывавший пути его радикального реформирования в интересах большинства.

Станислав Меньшиков

Биографы называли его “экономистом, держащим зеркало перед обществом”. Но он к тому же, как будто обладал ещё и рентгеном, позволявшим видеть то, что скрыто в глубине и неведомо другим.

В книжном шкафу выделяются масштабные по объёму и напоминающие библию красочные фолианты. На обрамлённых золотым тиснением коричневых переплётках готическим шрифтом обозначены имена классиков политической экономии: Адам Смит, Йозеф Шумпетер, Джон Кеннет Гэлбрейт. Сочинения последнего появились в 2008 году к столетию автора, не дожившего до юбилея два с половиной года. Полное название: “Джон Кеннет Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Избранное”.

Издатели “Эксмо” указали главное в творчестве великого американского мыслителя. Он написал немало и других блистательных работ, но именно эта принесла ему мировую славу. Изданная одновременно в США и в Англии в 1967 году, она через два года появилась и на русском языке. Ознакомиться с ней посоветовал мне выдающийся учёный экономист, профессор Станислав Михайлович Меньшиков, мой научный руководитель, а позже и друг. Он был тогда заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, лично знал Гэлбрейта и способствовал организации перевода его труда в издательстве “Прогресс”. Позже они совместно написали книгу, также изданную на многих языках: “Дж. К. Гэлбрейт, С. Меньшиков. Капитализм, социализм, сосуществование”. М., “Прогресс”, 1988.

“Новое индустриальное общество” сразу же стало событием среди экономистов. Помню, как отец – Н. А. Цаголов, глава кафедры политэкономии экономического факультета МГУ, руководитель авторского коллектива, создавшего известный “Курс политической экономии”, – как-то в беседе проронил:

---

* 27 марта 2017 года состоялся III Санкт-Петербургский экономический конгресс, посвященный 50-летию выхода в свет бестселлера Дж. К. Гэлбрейта “Новое индустриальное общество”. Два дня позже в Москве об этом же говорилось на Форуме Вольного экономического общества России, проходившем в рамках Недели российской экономической науки. Доклады на них представил наш постоянный автор, д. э. н., профессор Г. Н. Цаголов. Мы публикуем его статью, основанную на этих выступлениях.

“Гэлбрейт – гений нашего времени”. Отец внимательно следил за новинками западной экономической мысли. Ни о каком-либо другом зарубежном исследователе своего времени он так никогда не отзывался.

Личное знакомство с Гэлбрейтом произошло летом 1990 года в Париже. Одной американской консультационной фирмой там был организован международный семинар на тему: “Будущее Советского Союза и Восточной Европы. Экономические реформы и возможности в сфере бизнеса”. В числе приглашённых участников, помимо Гэлбрейта и Меньшикова, оказался и я. Высокий, двухметрового роста Гэлбрейт, выступая с докладом и в дискуссии, зажигал аудиторию, искромётно шутил. Вечером организаторы встречи пригласили нас поужинать в известный ресторан “Максим”. Находящийся в центре всеобщего внимания почтенный мудрец держался просто и непринуждённо.

Становление и расцвет

Он родился 15 октября 1908 года в Канаде, в южной части провинции Онтарио. Его отец, владевший фермой около 60 га, был школьным учителем и главой страховой компании. В 18 лет Джон поступил учиться в местный сельскохозяйственный колледж, где изучал курсы птицеводства и основы слесарных работ. Но когда в конце 20-х годов разразилась Великая депрессия, молодого человека больше заинтересовали экономические вопросы. Свою дипломную работу он защитил в университете Торонто, после чего поступил в Калифорнийский университет в Беркли, где в 1934 году получил степень доктора по экономике сельского хозяйства. Затем преподавал в Гарварде.

На мировоззрение раннего Гэлбрейта оказали влияние произведения американского учёного Торстейна Веблена, особенно книга “Теория праздного класса”. “Влияние Веблена, – вспоминает Гэлбрейт, – продолжалось очень долго. Хотелось, чтобы и одна из моих работ вызвала раздражение у тех людей, которые удобно устроились на высоких тёпленьких должностях. Только потом я стал понимать, что эти люди вообще редко что-либо читают” (Гэлбрейт Дж. К. “Избранное”. М., “Эксмо”, 2008. С. 14).

Отчасти под влиянием идей Маркса и в полемике с ним, Веблен в работе “Инженеры и система цен” (1921) утверждал, что их новое поколение откажется от роли послушных “лейтенантов бизнеса” и передаст власть “Генеральному штабу инженеров и техников”. Веблен полагал, что именно представители технического прогресса смогут вывести общество на “третий путь” между “плутократией капитализма и диктатурой пролетариата”. Эта считавшаяся тогда утопической “технократическая концепция” получила дальнейшее развитие в работах известных американских экономистов Адольфа Берли, Гардинера Минза, Джеймса Бернхэма (“революция управляющих”). Но дальше всех в этом направлении пошёл Гэлбрейт, о чём подробнее ниже.

Несколько позже другим его учителем и кумиром стал английский экономист Дж. М. Кейнс, чья теоретическая звезда ярко светила по обе стороны Атлантического океана и труды которого обосновывали то, что делал президент Франклин Рузвельт. В 1937 году, вскоре после выхода в свет главного творения англичанина – “Общей теории занятости, процента и денег” – Гэлбрейт решил “присоединиться к этому Храму”. Получив в рокфеллеровском Совете по исследованиям в области социальных наук стипендию на год, он поступил в Британии в Кембриджский университет, где мог слушать лекции Кейнса.

Хотя Гэлбрейт никогда не относился к марксистам, он высоко ценил труды немецкого классика и не раз ссылаясь на них в своих книгах, подмечал, например, что “никто, кроме Маркса, не предвидел, что экономика гигантских корпораций станет сутью экономической системы”. В книге-диалоге с Меньшиковым Гэлбрейт замечает: “Йозеф Шумпетер (крупнейший австрийский экономист, с конца 30-х годов живший и работавший в США. – Г. Ц.) называл Маркса одним из величайших учёных всех времён, и, откровенно говоря, я считаю Маркса слишком крупной фигурой, чтобы целиком отдавать его вам, социалистам и коммунистам” (Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С. “Капитализм, социализм, сосуществование”. С. 79).

В конце 1930-х годов Гэлбрейт становится гражданином США и преподаёт экономику в Принстонском университете. Вскоре его приглашают на работу в аппарат администрации Рузвельта, а с началом войны назначают главой

федерального ведомства по контролю над ценами. Гэлбрейту удаётся предотвратить гиперинфляцию. Сразу после войны он возглавил союзническую комиссию по изучению последствий бомбардировок германской промышленности. Вывод комиссии был неожиданным для властей Вашингтона: ущерб военно-промышленному потенциалу фашистского режима был минимальным. Особенно осторожно американцы бомбили находившиеся в Кёльне заводы Форда. В 1946 году Гэлбрейт руководит Службой обеспечения экономической безопасности в Государственном департаменте. С 1943-го по 1948 год он входил в редколлегию журнала «Форчун». Именно тогда он стал много писать. Затем Гэлбрейт возвращается в Гарвард. Аудитории профессора переполняются студентами, многие слушают его стоя.

В 1952 году вышли две книги Гэлбрейта: «Американский капитализм: концепция уравнивающейся силы» и «Теория контроля над ценами».

В первой развенчиваются мифы о свободной рыночной экономике и рассматривается вопрос о концентрации экономической мощи. Он описал различные виды давлений, к которым прибегают корпорации, профсоюзы и государство, старающиеся противодействовать друг другу, в результате чего возникает некое равновесие, благодаря чему экономика остаётся более или менее стабильной. До Гэлбрейта никто из немарксистских учёных не отмечал положительную роль профсоюзов и рабочего движения в развитии и преобразовании современного капитализма. В вышедших в 1980-х годах мемуарах Гэлбрейт, правда, признал, что практика показала, что три десятилетия назад он несколько преувеличил их «уравнивающую» силу.

В «Теории контроля над ценами» Гэлбрейт обобщил опыт, накопленный им во время работы в департаменте по ценам. Труд получил высокую оценку со стороны специалистов. «Единственная сложность с этой книгой, — отмечал Гэлбрейт, — вызвана тем, что её прочитали всего пять человек. Может быть, десять. После неё я решил, что больше никогда не буду зависеть от мнения технических экономистов (technical economist), которые обладают огромной властью в стране и игнорируют то, что я написал. Я решил ориентироваться на более широкий круг читателей» (Гэлбрейт Дж. К. «Избранное». С. 16).

Через несколько лет он выпускает ещё две книги, но уже предназначенные для массовой аудитории. Они становятся бестселлерами.

В работе «Великий крах 1929» он пролил свет на ошибки, совершённые в предкризисный период, и высказал предположение, что некоторые из них могут повториться. Когда книга появилась (1955), Гэлбрейт выступил на слушаниях в Сенате и заявил, что следующий крах неизбежен. В этот день фондовый рынок обвалился, и в его адрес посыпались обвинения в случившемся.

«Общество изобилия» вышло в 1958 году. Автор выявил корни существования зон хронической стагнации и бедности в самой богатой, бахвалящейся внешним изобилием капиталистической стране. Обрушившись на неоклассическую догму, согласно которой рядовой потребитель — это и есть некоронованный король рынка, он показал, что в действительности свои законы рынка диктуют крупные концерны. Часть книги посвящена разоблачению паразитического потребления богатейших. США выпускают много товаров, но предоставляют обществу мало социальных услуг. Стремление произвести как можно больше товаров ведёт к опасности усиления инфляции и экономического спада, чему в значительной степени способствует искусственно наращиваемый спрос на второстепенные и вообще ненужные продукты, поощрение людей чрезмерно активно прибегать к потребительским кредитам и слишком высокая ставка на частный сектор за счёт общественного.

Указывая на важность экологического движения за десять лет до того, как это направление стало считаться важным, Гэлбрейт ставил вопрос: стоят ли такие явления, как увеличение объёма продукции или повышение эффективности, того отрицательного влияния, которое они оказывают на окружающие нас воздух, воду и территории, располагающиеся в сельских местностях? Он призывал изменить ценности, остерегаться рекламных приманок, быть сторонником хорошего жилья и оказывать помощь искусству.

С середины 1950-х годов Гэлбрейт становится советником по экономическим вопросам влиятельных политических и государственных деятелей. Был наставником губернатора Иллинойса Эдлая Стивенсона, кандидата от Демократической партии на выборах на пост президента страны в 1952-м и 1956 годах.

Гэлбрейт сотрудничает и с президентом Джоном Кеннеди, бывшим его студентом в Гарварде. Когда в 1952 году Кеннеди избирают в Сенат, он обращается к своему бывшему профессору за советами. Став хозяином Белого дома в 1960 году, Кеннеди назначил Гэлбрейта послом в Индии. Находясь в Южной Азии, учёный критически относился к внешней политике своей страны и постоянно высказывал резкие суждения в шифровках президенту, минуя госдепартамент. В послахе он продержался недолго.

После убийства Кеннеди гарвардский профессор участвовал в разработке федеральной программы по борьбе с бедностью, предусматривавшей пособия малоимущим семьям и медицинскую помощь престарелым. Он являлся спичрайтером президента Линдона Джонсона и занимался составлением программы Великого общества. Но затем их отношения испортились из-за разногласий по вопросу о войне во Вьетнаме: Гэлбрейт выступал активным противником эскалации американского милитаризма.

Новое индустриальное общество

В ходе работы над “Обществом изобилия” Гэлбрейта осенила мысль, что в американской экономике произошли радикальные перемены, противоречащие исходным постулатам учебников по экономике, в том числе и наиболее известному из них – будущему лауреата Нобелевской премии по экономике Поля Самуэльсона. Гэлбрейт решил изложить новые идеи в следующей книге, первый набросок которой он закончил к 1961 году. Но когда его назначили послом, пришлось положить рукопись в сейф. Гэлбрейт вновь вернулся к ней в 1963 году. “Если бы не перерыв, связанный с дипломатической работой, я, пожалуй, опубликовал бы худший вариант. Я бы посоветовал каждому автору, если он не может стать послом, хотя бы взять продолжительный отпуск и использовать его для размышлений”, – писал он (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 32–33). Автор неустанно работал над рукописью ещё три года. “Данная книга – здание, более ранняя книга – окно: оно позволило впервые заглянуть внутрь” (там же. С. 33).

В мемуарах Гэлбрейт вспоминает любопытные детали, предшествовавшие её выходу: “В конце 1966 года книга была завершена и отправлена издателю. Той же осенью Би-Би-Си пригласила меня прочитать лекции в Лондоне, и я взял с собой гранки, чтобы порадоваться им и внести исправления. Мои лекции должны были содержать в сжатом виде идеи этой книги. Сначала с удивлением, затем с ужасом и, наконец, в абсолютном гневе я обнаружил, что мой редактор в “Хоутон Миффин”, обычно в высшей степени сдержанный и осторожный, решил исправить и сделать более ясной мою терминологию. Конкуренция стала “свободной конкуренцией”, все упоминания капитализма были переделаны в “нашу американскую систему свободного предпринимательства”, рынок превратился в “свободный рынок”. В виде жеста примирения и успокоения издательство набрало заново почти всю книгу. С того времени я избавился от такого рода редакционных исправлений” (Гэлбрейт Дж. К. “Избранное”. С. 1019, 1020).

В чём же заключается основная идея нашумевшей книги? На Западе, как известно, утвердилось мнение, что главным регулятором экономики капитализма является рынок, из чего вытекает превосходство покупателя над производителем. Гэлбрейт доказывает обратное. Рыночные отношения остались лишь во второстепенной части экономики. В доминирующем же мире крупных корпораций их вытеснила противоположная рынку “планирующая система”. И произошло это в силу целого ряда обстоятельств.

Власть в большом бизнесе перешла от акционеров к группе лиц, включающих управляющих, специалистов и других носителей знаний, которых Гэлбрейт называет *техноструктурой*. Решения принимаются ими коллегиально, а не единолично собственниками фирмы, как раньше. “Современный руководитель – дитя организации, а не наоборот... В своё время Джон Рокфеллер, Дж. П. Морган и Генри Форд считались звёздами первой величины. Их капиталистическую власть повсюду либо приветствовали, либо разоблачали. Сейчас никто, за исключением узкого круга деятелей корпораций, не знает фамилий руководителей компаний “Экссон”, “Морган Гаранти”, “Форд”. На фондовой бирже не происходит никаких потрясений, если руководитель

одной из этих фирм уходит в отставку, запивает или получает инфаркт. Рынок признает реальное положение вещей, а оно состоит в том, что власть принадлежит организации – техноструктуре” (там же. С. 754, 1018).

Если владельцы капитала заинтересованы в максимальной прибыли, то у техноструктуры иные мотивы. Она стремится к обеспечению стабильного роста компании, что приносит её членам надежные оклады и бонусы, способствует сохранению должностей и карьерному росту. В случае увольнения для них заботливо готовятся “золотые парашюты”. Стремясь отгородиться от превратностей рынка, техноструктура с помощью рекламы и других средств оказывает на потребителя мощное воздействие, навязывая ему всё новые модификации своей продукции и заставляя его покупать то, что ей нужно. С усложнением производства потребность фирм в гарантированном сбыте и замене рынка планом становится всё более настоятельной. Поскольку проектирование и производство самолётов или автомобилей занимает несколько лет, то такая нужда становится вполне понятной. “Нельзя отрицать свидетельств того, что производитель влияет на потребителя. Никакое другое стремление так не проявляется; огромная индустрия убеждения посвящена этой цели. Даже беспристрастный взор экономиста не в состоянии совершенно укрыться от настойчивого мира телевидения” (там же. С. 752).

Между тем, малый и средний бизнес по-прежнему не располагают такими возможностями воздействовать на рынок. Они с трудом выживают в острой конкурентной борьбе между собой и под гнётом большого бизнеса. Таким образом, в экономике, по Гэлбрейту, возникла *бимодальная* (двойственная) система. Но в учебниках по “экономикс” по-прежнему исходят из доминанты законов рынка, что совершенно неверно и требует пересмотра.

В изданных в 1981 году и переведённых на русский язык в 1986 году мемуарах “Жизнь в наше время” Гэлбрейт замечает: “Для пишущего учебник самое мудрое – высказать точно то, что уже сказано ранее, с небольшими вкраплениями чего-то новенького, что издатель выпятит в своей рекламе. Тем самым обеспечивается спокойное принятие учебника к изданию, между тем как автор, который смело вторгается в реальную жизнь, например, в мир большой корпорации, многим рискует... Такой взгляд на экономическую, социальную и политическую жизнь позволял и до сих пор позволяет каждый год обучать сотни тысяч студентов экономической теории, не допуская мысли о том, что в силу своих врождённых и органически присущих черт крупная корпорация оказывает влияние на цены, стоимость, технологию, вкусы покупателей, военные расходы и правительственную политику. Правда, не всех студентов можно убедить в этом. Но зато гораздо спокойнее, если тема власти корпорации не становится предметом открытого обсуждения” (там же. С. 1015, 1016).

А в статье “Время и “Новое индустриальное общество”, опубликованной в 1988 году, Гэлбрейт так же не без юмора акцентирует внимание на следующем: “Наше сопротивление переменам вполне соответствует нашим же социальным и экономическим интересам. В служении этим интересам теория рынка (подчинение всех решений и действий всеобъемлющей рыночной власти) умалчивает об очень неудобной реальности, в которой осуществляются разнородные усилия крупных корпораций по овладению властью. Как было бы хорошо, если бы, как в наших рекомендациях и теориях, вся экономическая сила подчинялась бы всеобъемлющей силе рынка. И некоторые провалы экономикса в ответ на вызовы меняющегося мира лежат на совести вредных учебников. Эти книги, говоря без пренебрежения, написаны не для того, чтобы показать реальность, а для того, чтобы получить признание. Итак, взоры обращены не на изменчивую реальность, а на ранее принятые взгляды. И, увы, экономисты неизбежно начинают верить в то, чему сами учат” (там же. С. 755).

Свершившиеся изменения, подчёркивает Гэлбрейт, льют воду на мельницу техноструктуры, но не всего общества. Потребителю навязывается масса ненужных товаров, или *симулякров*, как выражаются сегодня. Там же, где существует контрактная система, техноструктура срашивается с государством. В военно-промышленной сфере это приводит к усилению милитаризма, так как заинтересованные в непрерывном расширении оборотов своей продукции производители оружия используют союзников в политических и оборонных ведомствах для раскручивания маховика гонки вооружений:

“Крупные производители оружия – “Локхид”, “Дженерал дайнэмикс”, “Грумман”, аэрокосмические филиалы “Текстрона” или “Линг-Темко-Воут” – предлагают Пентагону системы оружия, которые, по их мнению, выгодно разрабатывать и производить. Министерство обороны сообщает им о системах, к получению которых стремятся вооружённые силы. Окончательное решение затем оправдывается либо необходимостью идти в ногу с Советами, либо необходимостью оставаться впереди Советов. Две бюрократии, одна государственная и другая номинально частная, сильнее, чем одна” (там же. С. 575).

Гэлбрейт предлагает национализировать военные концерны, что ограничило бы лоббизм и гонку вооружений. В связи с этим он прямо говорит о том, что “новый социализм... навязывается обстоятельствами” (там же. С. 570). Но к выводу о “новом социализме” подводит не только это. К тому же подталкивает и общая необходимость искоренения пороков, связанных с расширяющейся властью технотехтуры. Поэтому Гэлбрейт призывает к расширению зоны “нового социализма” и внедрению **централизованного планирования, охватывающего основные пласты американской экономики**: “Понадобится создание государственного планового органа. Он, в свою очередь, должен находиться под строгим надзором со стороны законодательных органов, так как именно здесь встретятся самые трудные из проблем общественной компетенции. Требуется планирование, которое отражает не интересы плановых органов, а общественные интересы” (там же. С. 606).

При этом, считает Гэлбрейт, в этом заинтересована и часть “рыночной системы”, поскольку такие её области, как медицина, образование или искусство, нуждаются в защите и государственном регулировании.

Надежду на реализацию необходимых реформ американского общества Гэлбрейт возлагает на “сословие педагогов и учёных”, которое в связи с потребностью производительных сил в интеллектуальном труде становится всё более многочисленным.

Высказанные “социалистические” идеи спровоцировали травлю Гэлбрейта со стороны американского экономического сообщества и политического истеблишмента. Одни тщились отлучить его от экономической науки и заявляли, что “Гэлбрейт не экономист, а социолог”. Другие не останавливались перед грубой руганью, не имеющей ничего общего с академическими традициями. Так, гарвардский профессор, будущий лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Солоу поместил в университетских учёных записках непристойный пасквиль. Между тем, Гэлбрейт лишь беспристрастно констатировал объективные тенденции экономического развития и высказывал вытекающие из этого рекомендации по реформированию американского общества. “Форчун” – журнал, в котором он когда-то работал, – теперь уже предостерегал читателей: “Гэлбрейт подрывает существующее логическое обоснование капитализма” (там же. С. 1021). Естественно, тем самым он навсегда закрыл себе дорогу и в Нобелевские лауреаты.

Особый интерес представляет заключительная часть книги “Новое индустриальное общество” – “Приложение о методе экономических исследований и особенностях дискуссий по социальным вопросам”. Она начинается с вопроса о специализации. Гэлбрейт отмечает, что его книга не ограничивается анализом узкого круга вопросов и что при её написании он использовал многие труды в качестве опорных конструкций. “Но всё же следует помнить, – замечает Гэлбрейт, – что специализация в науке – это удобство, а не добродетель” (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 465). Конечно, нельзя прийти к верным обобщающим выводам о сути общества и магистральных тенденциях его развития без предварительного исследования и уяснения важнейших сторон современной действительности, глубоких знаний основ философии, экономической теории и истории. Как это переключается с Марксом, подмечавшим: “В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым уступам” (Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 25).

В связи с этим Гэлбрейт высказывает мысль, что исследование крупного пласта изменений предполагает необходимость дополнить, а возможно, и по-новому осветить работы узких специалистов. И не без элементов сарказма формулирует следующий вывод: “В экономической науке (и в общественных науках в целом) правомерно проводить различие между квалифицированными и неквалифицированными работами. Что же касается различия между работами

широкого и узкого профиля, то здесь имеется меньше оснований для категорических суждений, понятных только в том случае, когда человеку, восхваляющему свою собственную линию, необходимо поддержать чувство уважения к самому себе” (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 468).

В работах Гэлбрейта вообще и в книге “Новое индустриальное общество”, в частности, читатель не встретит таблиц или графиков, часто находящихся в иных экономических исследованиях. Его труды отличаются на редкость ясным выражением мыслей. Эта непринужденность и раскованность стиля, по словам Гэлбрейта, “приходит, когда я работаю над четвертым или пятым вариантом рукописи” (там же. С. 31). Задача, связанная с изложением материала, представляется Гэлбрейту ещё более трудной, чем задача исследования. “В экономической науке мало имеется (если вообще имеется) таких дельных идей, которые нельзя выразить понятным языком. Неясность изложения редко свидетельствует (если вообще когда-нибудь свидетельствует) о сложности рассматриваемого вопроса и никогда не служит подтверждением недосягаемости учёности. Она обычно говорит либо о неумении излагать предмет, либо – что бывает чаще – о путаных или незрелых мыслях” (там же. С. 469).

О конвергенции

Тезис о сходстве и конвергенции двух противоположных социально-экономических систем встречается во многих работах Гэлбрейта. Предварительно знакомя читателя с идеями книги “Новое индустриальное общество”, он уже в первой её главе сообщает, что один из основных выводов его анализа “заключается в том, что происходит широкая конвергенция различных индустриальных систем” (там же. С. 42).

В 1960-е годы эти идеи высказывали такие столпы общественной мысли, как П. А. Сорокин, У. Ростоу (США), Ян Тинберген (Нидерланды), Ф. Перру и Р. Арон (Франция). Пионером стал выдворенный в 1922 году на “философском пароходе” из Советской России и осевший затем в Гарварде социолог Питирим Александрович Сорокин. О конвергенции он упоминает ещё в работе “Россия и Соединённые Штаты” (1944). А в 1960 году вышла книга “Взаимная конвергенция Соединённых Штатов и СССР”. В ней им высказана гипотеза: “Господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный... Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьёзных дефектов каждого типа” (<http://www.km.ru/referats/333281-pitirim-sorokin-russkaya-sotsiologiya>).

Апеллируя к растущему сближению двух систем, учёные выводили возможность мирного сосуществования и предотвращения ядерного апокалипсиса. Желая смягчить острые углы капитализма и провалы рынка, Запад вполне сознательно заимствовал у социализма немало полезных для него свойств: элементы плановой системы хозяйствования, перераспределение доходов через бюджет и налоги, что сглаживало социальные контрасты и кризисы. С другой стороны, и реальный социализм, стремясь не уступать в экономическом соревновании капитализму, временами пытался включить в свой арсенал прибыль, предприимчивость, рыночные механизмы и стимулы.

Из всех аналитиков Гэлбрейт глубже всех раскрыл экономические корни конвергенции. К этой теме он не раз возвращается и во многих других работах. Так, в 1980-х годах он пишет: “Движущие силы организации крупномасштабного производства свойственны не только капитализму. То же касается и побудительных мотивов. Я изучал их в Советском Союзе и пришёл к следующему удивительному заключению. Крупным организациям, где бы они ни существовали, свойственны одинаковые движущие силы. Крупная капиталистическая корпорация и крупный социалистический комбинат имеют примерно одинаковую организационную структуру; перед ними стоят одни и те же сложности, они предъявляют свои требования и оказывают воздействие на окружающее их общество. Побудительные мотивы – желание получить одобрение коллег, идентификация с задачами организации, стремление приспособить их к своим собственным – похожи, если не одинаковы. Современная капиталистическая организация и развитая социалистическая организация не противостоят друг другу. В широком смысле, они движутся друг к другу – не к неизбежной власти рынка, а к установлению общих требований технологии

и массового производства, к созданию соответствующей планирующей организации, к аналогичным побудительным силам” (Гэлбрейт Дж. К. “Избранное”. С. 1019).

В последней главе “Нового индустриального общества” Гэлбрейт предвещает, что идеи конвергенции в силу идеологических и классовых факторов ещё долго окажутся невостребованными ни на Западе, ни в социалистическом мире. “Из всех слов, имеющихся в лексиконе бизнесмена, менее всего ласкают его слух такие слова, как планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм. Обсуждение вероятности возникновения этих явлений в будущем привело бы к осознанию того, в какой поразительной степени они уже стали фактами. . . Размышления о будущем выявили бы также важность тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации. . . Сказанное здесь о конвергенции двух систем **не скоро получит всеобщее признание** (выделено мной. – Г. Ц.). Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно. . . Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее” (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 452–455).

Гэлбрейт оказался провидцем. Теории конвергенции и в самом деле “не повезло”. Она долгое время оказывается невостребованной общественной наукой. Главная причина – идеологические и классовые факторы. А в социальной науке они весьма значимы.

Стеснённые марксистскими постулатами, советские авторы с порога отвергали такие взгляды, называя их “очередной и опасной выдумкой буржуазной идеологии”. На Западе же после краха СССР и победы в холодной войне посчитали, что наступил капиталистический “конец истории”. Мейнстрим продолжал исповедовать старые постулаты, а Гэлбрейта и других апостолов конвергенции замалчивали.

Между тем, практические предтечи конвергенции появились ещё в 20-х годах прошлого века. После Октября 1917 года большевики, радикально руководствовавшиеся антикапиталистическими канонами, взяли курс на национализацию. Не готовые к такому повороту событий производительные силы страны заупрямились. Разразился экономический кризис, усугублённый мировой и гражданской войной, интервенцией и прочими обстоятельствами. Возникли голод и реальная угроза падения новоиспечённого режима. Но Ленин не был бы собой, если бы не вышел из ситуации. Чтобы не нарушать открытый Марксом закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил, был введён нэп. Командные высоты в политике и экономике оставались в руках большевиков, но вместе с тем открылись шлюзы капитализму. В итоге образовалась многоукладная экономика, симбиоз социализма и капитализма, что дало мощный толчок экономическому росту. Будь Ленин жив, кто знает, сколько времени бы ещё продолжался нэп. Но он умер, и вскоре почил и нэп.

В статье “О кооперации”, входящей в так называемое завещание Ленина, высказана загадочная мысль: “Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376). Что конкретно Владимир Ильич имел под этим в виду – остаётся тайной. Не необходимость ли длительного сожительства разнородных экономических систем под одной крышей?

Именно нэп дал первый пример эффективности, благотворной комбинации социализма и капитализма, плана и рынка. Не будем распространяться о том, почему нэп был так быстро свёрнут. На то были свои субъективные и объективные причины. Вытеснившее капитализм “беспримесное” плановое хозяйство несколько десятилетий обеспечивало Советскому Союзу быстрое развитие, но затем привело к упадку и даже краху системы. После этого страна

стремительно бросилась в другую сторону – рынка и капитализма, и теперь большую часть времени пребывает либо в кризисе, либо в стагнации.

Между тем, зная конвергенции подхватили другие страны – и на Западе, и на Востоке. Опыт канувшего в Лету социализма в нашей стране не прошёл даром. Запад впитал в себя ценные социалистические идеи и черты, перенял у него, в частности, централизованное планирование, правда, в более гибких формах. Тем самым он заметно укрепил свои позиции в мире. Дж. М. Кейнс первым заявил, что без государственного вмешательства капитализм потерпит крах. На него сыпались беспочвенные упреки в агитации за социализм, хотя он хотел лишь упрочить и продлить существование буржуазного общества. Практическими шагами в сторону конвергенции были и социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно скандинавских стран. Но больше других в этом направлении в последние десятилетия продвинулись Китай и Вьетнам.

Новое интегральное общество

То, что капитализм и социализм несут в себе две прямо противоположные идеи – либеральную и коммунистическую, – сомневаться не приходится. История показывает, что обе они привлекательны и на каком-то этапе исторического процесса весьма прогрессивны. И вместе с тем, практическое воплощение каждой из них рано или поздно сопряжено с развёртыванием острых противоречий, ведущих к драматическим последствиям, хотя и разного рода.

Мысль о конвергенции или новом интегральном обществе ныне получает второе дыхание. Правда, акценты расставляются уже по-другому. Речь идёт о построении оптимальной модели общественного устройства как комбинации преимуществ капитализма и социализма и отсечении или минимизации их пороков. Подробнее об этом говорится в книге “Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика”. Под редакцией Г. Н. Цаголова. М., Ленанд, 2016. Среди её авторов – академики О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазев, известные учёные профессора Г. Г. Водолазов, С. М. Меньшиков и др.

Мировой опыт последнего времени даёт немало козырей приверженцам таких взглядов. Произшедшие четверть века назад “тектонические сдвиги” отнюдь не поставили окончательную точку над “i”, не решили исторический спор между капитализмом и социализмом. Продолжающий своё развитие под социалистическими флагами Китай с его населением в 1,5 млрд человек стал главным локомотивом мирового экономического развития. Опрометчиво же перешедшая в противоположный капиталистический лагерь Россия хлебнула столько трудностей и разочарований, что теперь всё чаще задумывается о поиске какого-то иного пути.

Вслед за распадом СССР плановое хозяйство было предано анафеме, а государство изгнано из экономики. К голосу авторитетных учёных, наших и зарубежных, предлагавших срединный путь, не прислушивались. “Шоковая терапия” проводилась по лекалам Вашингтонского консенсуса. Разрушение социализма “до основания” означало большевизм наоборот. Итог: уродливая система криминально-спекулятивного, а затем компрадорского бюрократическо-олигархического капитализма. Бывшую сверхдержаву быстро переформатировали в сырьевую периферию мирового хозяйства.

Реальные доходы населения за последние два года резко упали. Предприниматели разоряются в массовом порядке, возрастают безработица и число тех, кто зарабатывает ниже прожиточного минимума, в связи с чем в правительстве участились предложения о введении продовольственных карточек для малоимущих. Тают и наши валютные резервы. Вместе с тем, нарастают бюрократические тенденции, а призывы к ликвидации отсталости экономики, диверсификации так же, как и заклинания о модернизации, инновациях, а последнее время и импортозамещении, увы, не подкрепляются (или почти не подкрепляются) конкретными делами.

Одна из причин нашего неблагополучия – нахождение экономического блока правительства в плену рыночного фундаментализма и либеральных мантр, игнорирование ими заслуживающих внимания альтернативных теоретических наработок. Хотя именно они должны лежать в основе экономической

жизни, служить основой для проведения успешного экономического курса. Долгосрочных “стратегий” и “программ” у нас хватает. Только ни одна из них не сбывается. И ни в одной из них нет даже постановки вопроса о том, в какой общественно-экономической формации мы живём и к чему следует стремиться.

Между тем, становится всё более ясным, что ни прежний социализм, ни утвердившийся ныне в России капитализм (да и капитализм вообще) не отвечают требованиям времени и социального прогресса. Мировая практика демонстрирует не только возможность, но и императив новой формации, совмещающей в себе преимущества предыдущих систем и сводящей к минимуму их пороки. Вопреки укоренившимся предрассудкам и догмам, такое не только возможно, но уже существует.

В связи с непреложными успехами Китая множатся трактовки его “экономического чуда”. Некоторые объяснения сводятся к тому, что он совершил переход от плана к рынку, от социализма к капитализму. Но они не верны. На самом деле там поддерживается плодотворный симбиоз плана и рынка, социализма и капитализма. Там сформировалось конвергентное или интегральное общество. И это придаёт ему синергетики. Дэн Сяопин и его последователи не разрушали плановое хозяйство, а проводили в нём демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. Результат: почти 40 лет подряд страна развивается без кризисов, темпы роста самые высокие. По ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Поднебесная, обойдя США, вышла уже в 2014 году на первое место в мире. Продолжительность жизни превысила 75 лет.

Вьетнам последовал китайскому примеру. Централизованное планирование не ликвидировали, а сделали более гибким. План и рынок совмещали друг с другом, а оптимальный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг. Страна развивается чрезвычайно быстро и также бескризисно.

В Индии также действуют оба регулятора. Возглавляемая премьером страны Плановая комиссия определяет стратегические цели развития, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих преимущественно индикативный характер. В основе текущей 12-й пятилетки лежат результаты работ и рекомендаций сети исследовательских организаций, существующих при каждом министерстве, а также Центральной статистической службы. Темпы роста экономики Индии в последнее время не уступают Китаю, а временами даже обгоняют их.

На постсоветском пространстве конвергентные тенденции явно обнаруживают себя в Белоруссии и Казахстане. Лидеры обоих государств не скрывают, что в ходе преобразований они руководствовались идеями ленинского нэпа и китайских реформаторов.

В современном мире просматривается новое интегральное общество двух типов. В **капиталистическом интегральном обществе** власть принадлежит представителям буржуазии. Там, где у власти находятся коммунистические партии, складывается **интегральное общество социалистического типа**. В этих странах действуют экономические законы и капитализма, и социализма. Здесь отчасти функционирует и социалистический закон планомерного, пропорционального развития, и капиталистический закон прибавочной стоимости. В Китае, например, где компартия насчитывает около 90 миллионов членов, неуклонно повышается жизненный уровень населения. По сути своей, социал-демократическое руководство КНР отодвинуло вопросы классовой борьбы на второй план. Но народовластие в стране не подорвано. В отличие от России, капитализм там носит преимущественно созидательный, а не спекулятивный характер, хотя число миллиардеров возрастает и превышает уже 400 человек – больше только в США. Неслучайно известный западный аналитик Ниал Фергюсон называет сформировавшийся в КНР тип общества “капиталистическо-коммунистическим” (Фергюсон Н. “Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира”. М., “АСТ”. 2014).

Такая интеграция преимуществ социализма и капитализма наталкивает на мысль о свершающемся переходе человечества к новому интегральному жизнеустройству.

Седьмая формация

Спрашивается, каково же историческое место общества нового типа? Думается, что это **седьмая по счёту формация**. Почему? Дело в том, что помимо первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формации научными авторитетами справедливо упоминалась ещё и азиатская формация. Она, как известно, предшествовала рабству у древневосточных народов и жидилась на господстве бюрократии в условиях доминирования общественной собственности на землю и основные средства производства. В годы советской власти о “восточной деспотии” особенно не распространялись, так как она чем-то напоминала реально существующий бюрократический социализм.

Симбиоз капитализма и социализма или, наоборот, социализма с капитализмом сегодня, как правило, не вызывает споров у теоретиков. Более того, считается, что смешанное общество идёт на смену “доконвергентным” системам чуть ли не в большинстве стран. Логически же следующий из этого вывод о развитии новой, седьмой формации пользуется значительно меньшей популярностью. Между тем, в пользу такого умозаключения говорит многое. Теоретическая застенчивость вступает в конфликт с неопровержимыми фактами современности, подтверждающими данный тренд.

Факты непреложно свидетельствуют о том, что седьмая формация оптимальна с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека. В её основе находится **биполярная, взаимодополняющая планово-рыночная система**. План и рынок не непримиримые антитезы, а разные способы экономического регулирования. Коллизии возникают как раз там и тогда, когда действует лишь один из них.

Продолжающая и развивающая идеи Гэлбрейта теория седьмой формации особо важна для нашей страны, оказавшейся в результате ошибочно проведённых реформ в системе координат зависимо от Запада бюрократическо-олигархического капитализма. Она служит ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности движения к этому эволюционным путём пока ещё сохраняются.

Демонтаж всякой общественно-экономической системы предполагает проект создания новой. Некоторые могут, конечно, сказать (и говорят), что они выступают за нормальный капитализм или *капитализм с человеческим лицом*. Мнение других – вернуться к социализму в его обновлённом и лишённом прежних недостатков виде. Однако оба варианта представляются не вполне адекватными и конкретными. И в самом деле, где начинается и заканчивается норма? Или каковы гарантии, что во втором случае мы не наступим на те же грабли? Но самое важное, пожалуй, заключается даже в другом: не игнорируем ли мы в таких случаях мировой опыт последнего времени? А ведь он явно говорит об императиве седьмой интегральной формации.

Сложившаяся в России экономическую систему определяют по-разному. Долгое время у нас бытовала формула “о переходе к рынку”. Правящей элите она была удобна, так как экономические неурядицы списывались на это состояние. На деле же переход был к капитализму, и он давно завершился. Среди наименований отечественного капитализма довольно часто встречаются следующие определения: мутантный, поздний, периферийный. Справедливо подчёркивая те или иные стороны существующего в стране строя, они всё же, на наш взгляд, не характеризуют самого главного его свойства. Новый российский капитализм прошёл несколько этапов развития и пребывает ныне в бюрократическо-олигархической стадии. В своей основе наш капитализм монополистический, не созидательный, а спекулятивный, зависимый от Запада, сырьевой и периферийный или, вернее, полупериферийный.

Миллиардеры срослись с высшими государственными чинами, и вкуче составляют властвующую элиту страны. Ленинская формула – “сегодня министр – завтра банкир, сегодня банкир – завтра министр” – справедлива для наших дней, как никогда прежде. Государственные корпорации, призванные, по идее, служить созидательным противовесом спекулятивно-компрадорской олигархии, отчасти уподобились тем, кому надлежало давать положительный пример.

В России сейчас официально насчитывается около 80 долларовых миллиардеров. Если отнести их совокупные состояния к ВВП страны, получим 18% –

один из самых высоких показателей в мире (“Forbes № 5, 2015. С. 67). Децильный коэффициент – официально 16 – (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% наиболее бедных граждан) также впечатляет. Но многие исследования говорят о том, что он значительно выше, а в Москве и вообще приближается к 100. В других странах богатства крупнейших собственников, как правило, связаны с созданием того или иного нового товара или услуги. У нас это главным образом результат отъёма прежнего общенародного имущества с помощью пресловутых залоговых аукционов и чисто спекулятивных операций, замешанных на коррупции чиновников.

Именно характер нашего капитализма привёл к системному кризису, в котором страна сейчас пребывает. Экономический блок правительства пытается списать наши невзгоды на внешние обстоятельства: санкции и снижающиеся мировые цены на нефть. Это не так. Понижительная тенденция началась задолго до этого.

Практика показывает, что, сохраняя плановые и социальные преимущества нашего прежнего строя, надо было отказаться от ряда обветшалых положений и сделать капиталистическую прививку – дать свободу предпринимательству, начиная с аграрной сферы, торговли или сферы услуг. В спорах о сути социализма некоторые сторонники концепции “рыночного социализма”, по сути, представляли собой провозвестников и сторонников идеи конвергенции. Для критики с позиции правого марксизма они оказывались весьма уязвимыми. Что и происходило.

Когда социализм потерпел поражение, вопрос о конвергенции был отодвинут в сторону и оказался на задворках общественно-политической жизни. К рассуждениям о необходимости оставления или включения хоть каких-то коммунистических начал в развитие общества и экономики по понятным причинам перестали прислушиваться. Многие теоретики избегали называть вещи своими именами, опасаясь быть обвиненными в призывах “вернуться к старому”.

Вследствие закреплённой в новой Конституции России “деидеологизации” возвысились либералы рыночного фундаментализма. Утвердившийся на долгие годы либеральный мейнстрим неизбежно вёл к всё большему теоретическому застою. Вместо перехода от бюрократического социализма к интегральному обществу в нашей стране совершился регресс. Известный мыслитель А. А. Зиновьев неспроста окрестил перестройку “катастрофой”. Впрочем, какая-то конвергенция всё же состоялась: было взято худшее от социализма и капитализма, а лучшее ликвидировано.

Теория седьмой формации даёт ключ к нахождению новой идеологии России. С утверждением этой концепции и принятием её на вооружение появляется возможность верной интерпретации нашей истории, понимания допущенных просчётов, видения нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества.

Движение к седьмой формации в России может обеспечить постепенное введение прогрессивного налога и внедрение планомерности в виде её инструмента – планового хозяйства. В экономике необходимо постоянно поддерживать оптимальный баланс между плановыми и рыночными началами.

В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Адам Смит полагал, что с помощью “невидимой руки” рынка общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Но разумный эгоизм включает в себя и вклад в социальное благо. Жизнь человека зависит и от процветания того общества, в котором он живёт, а также от судьбы человечества, утратившего в ракетно-ядерную эпоху свою бессмертность. Марксисты же всегда акцентировали на справедливости и социальных аспектах, ставя их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития. В своё время американский писатель Фрэнсис Скотт Фитцджеральд заметил: “Проверкой подлинного разума является способность удерживать в сознании две прямо противоположные идеи и при этом сохранять способность действовать” (<http://smartfiction.ru/prose/crash/>). И творцам экономической политики для нахождения оптимального курса необходимо следовать этому совету.